

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ О РЕСТИТУЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Д. К. Конева

Южный федеральный университет

APPLICATION OF THE RULES ON RESTITUTION IN BANKRUPTCY

D. K. Koneva

South Federal University

Аннотация: рассматриваются вопросы применения правил о реституции в рамках процедуры несостоятельности, основные положения о правовой природе признания сделок недействительными по правилам Закона о банкротстве. Оцениваются преимущества и недостатки применения реституции, проанализированы нормы главы Гражданского кодекса Российской Федерации о неосновательном обогащении с точки зрения их применения к ситуациям, указанным в п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве. Исследована актуальная судебная практика по вопросам применения норм о неосновательном обогащении в рамках оспаривания сделки при банкротстве. Сделаны выводы о том, что существуют некоторые проблемы в вопросах применения правил о неосновательном обогащении, и предложены варианты их решения.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, недействительность сделки, реституция, неосновательное обогащение, конкурсное оспаривание.

Abstract: the work is devoted to the application of rules on restitution within the framework of bankruptcy proceedings. The main provisions on the legal nature of declaring transactions invalid according to the rules of the Bankruptcy Law are considered. The advantages and disadvantages of using restitution are assessed, the norms of the chapter of the Civil Code of the Russian Federation on unjust enrichment are analyzed from the point of view of their application to the situations specified in paragraph 1 of Art. 61.6 of the Bankruptcy Law. The current judicial practice on the application of rules on unjust enrichment in the framework of challenging a transaction in bankruptcy has been studied. It is concluded that there are some problems in the application of the rules on unjust enrichment and options for their solution are proposed.

Key words: bankruptcy, insolvency, invalidity of the transaction, restitution, unjust enrichment, challenging on bankruptcy specific grounds.

Правовое регулирование реституции при банкротстве на сегодняшний день является предметом особой критики со стороны специалистов в сфере банкротства¹. Наибольшее разногласие вызывает следующий вопрос: при признании сделки недействительной по основаниям, указанным в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)², имущество от контрагента по сделке по-

ступает в конкурсную массу, но вот контрагент не получает встречного предоставления – у него возникает лишь право требования и, в зависимости от основания признания сделки недействительной, данное требование либо включается в реестр требований кредиторов, либо выносится за реестр. В связи с этим формируется несколько вопросов: во-первых, насколько уместно и целесообразно такое регулирование с точки зрения его адекватности содеянному? Во-вторых, как соотносятся последствия признания сделок недействительными, закрепленные в Законе о банкротстве, и последствия, указанные в ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)?

¹ См., например: Егоров А. В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 12.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

© Конева Д. К., 2024

Вопрос о правовой природе признания сделок недействительными по правилам Закона о банкротстве в научной литературе рассматривался уже не раз. Глобально все существующие в современной литературе мнения можно разделить на две категории: одни ученые считают, что нельзя говорить о применении реституции, если сделка оспаривается по основаниям, предусмотренным в Законе о банкротстве³; другие придерживаются противоположного мнения: безусловно, применение последствий недействительности при оспаривании сделок по правилам Закона о банкротстве отличается от общегражданских в первую очередь своим односторонним характером, однако это не исключает реституционной природы этих последствий. В качестве основного аргумента в поддержку первой позиции выступает факт одностороннего характера возврата имущества, который осуществляется в пользу должника – в то время как контрагент по сделке получает лишь право требования, исполнение которого ввиду несостоятельности должника весьма маловероятно. Как справедливо отмечает Т. П. Шишмарева, «признание сделки или действия в процедурах несостоятельности (банкротства) недействительной не влечет применения двусторонней реституции как общего последствия недействительности сделки, поскольку это противоречило бы основному принципу конкурсного права – соразмерному удовлетворению требований кредиторов»⁴, и этим объясняются особенности, закрепленные в законодательстве о банкротстве. Тем не менее, вторая группа ученых также критикует практику применения норм Закона о банкротстве, при которых совершенно не учитываются интересы контрагента должника по сделке.

В целях нивелирования негативных последствий применения правил о недействительности сделок в науке было представлено несколько вариантов решения проблемы.

Один из них – это предложение применять именно правила об одновременной двусторонней реституции, при которой контрагент должника по сделке не включается в реестр требований кредиторов, а получает удовлетворение сво-

их требований из конкурсной массы в рамках реализации принципа одновременного встречного исполнения реституционных требований. Как и у всякого решения, у данного подхода есть как свои преимущества, так и недостатки. В первую очередь отметим, что подобное регулирование не отвечает целям конкурсного оспаривания, которые заключаются в пополнении конкурсной массы и освобождению её от злонамеренно принятых должником обязательств. Удовлетворение же требований контрагента ведет к уменьшению объема конкурсной массы и, соответственно, к снижению шансов кредиторов на получение причитающегося им имущества. Однако в этом случае уместно задаться вопросом: чьи интересы заслуживают большего внимания – контрагента должника или его кредиторов? Ведь, как справедливо замечает А. В. Егоров, в признании сделки недействительной может быть больше вины должника, нежели другой стороны сделки⁵. Более того, ведь если мы говорим о применении реституции, то сделки как бы и не было, а соответственно, у кредиторов нет права претендовать на приобретенное в результате такой «сделки» имущество.

Второй аргумент против применения указанной теории опирается на экономические риски, которые двусторонняя реституция влечет для кредиторов. Если в актуальной экономической ситуации сложно представить себе внезапное понижение стоимости индивидуально-определенной вещи, например, офисного помещения, то в отношении имущественных прав изменение стоимости в сторону понижения возможно с высокой степенью вероятности. Может сложиться ситуация, при которой, к примеру, акции обесценятся сразу после их включения в конкурсную массу – подобный риск в деле о банкротстве, где необходимо пополнить конкурсную массу должника активами и обеспечить наиболее полное удовлетворение требований кредиторов, конечно, крайне нежелателен. И если в обычной ситуации ответственность за этот риск несут стороны сделки, то в случае банкротства эта ответственность переносится на группу кредиторов должника. Они помимо прочего несут риск неудовлетворения своих требований по причине ограниченности конкурсной массы. Возложение на них дополнительных рисков не соответствует целям и смыслу института несостоятельности.

³ См.: Костко В. С. Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. № 2.

⁴ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М., 2018. 239 с.

⁵ См.: Егоров А. В. Указ. соч. С. 24–25.

Данный аргумент весьма серьезен, а потому требует особого внимания. Очевидно, что возможна и обратная ситуация: повышение цены актива. Тогда кредиторы скорее выигрывают от одновременной реституции. Однако даже в случае понижения стоимости мы снова вынуждены обратиться к аргументу о том, что применение последствий недействительности сделки нивелирует совершение этой сделки, а соответственно, должник все равно понес бы указанный финансовый риск. Безусловно, ситуация осложняется на фоне наличия у должника кредиторов, но все же нет убедительных причин предпочесть их интерес интересу контрагента должника по сделке.

На наш взгляд, применение подобного решения в рамках конкурсного оспаривания способно эффективно разрешить целый ряд насущных практических вопросов. Более того, указанный теоретический подход позволил бы избежать ситуаций, когда должник получает необоснованные преимущества в результате оспаривания сделок. Например, в одном из дел, переданных на рассмотрение Верховного Суда РФ, была интересная фабула⁶: в 2013 г. должник подарил 49 % доли в обществе с ограниченной ответственностью его директору, а 51 % доли – своей родственнице. Стоимость доли в 2013 г. составляла 80 тыс. руб. В 2018 г. начинается процесс банкротства должника. Сумма реестровых требований кредиторов составляет 12 млн руб. Описанная сделка дарения части доли директору общества с ограниченной ответственностью признана недействительной на основании ст. 10 и 168 ГК РФ. Однако судом не учтено, что стоимость предприятия за указанный период значительно выросла, вследствие чего увеличилась и стоимость доли. На момент судебного разбирательства стоимость возвращенного имущества в несколько десятков раз превышала весь размер требований кредиторов. Решение, при котором сделка признается недействительной и вся стоимость доли на момент признания сделки недействительной возвращается в конкурсную массу, в данном случае нельзя оценить как справедливое, так как преференции от оспаривания получает уже сам должник: он приобретает имущество, которое по стоимости в несколько десятков раз превышает ранее им отчужденное. Такое положение вещей уже не раз критиковалось рос-

сийскими специалистами в сфере несостоятельности⁷. Более логичным представляется присуждение приобретателя доли к возврату в конкурсную массу ее рыночной стоимости на момент совершения сделки. И такое решение встречалось в судебной практике: Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019⁸ пришел к выводу, что возмещение ответчиком разницы в цене сделки *на момент ее совершения* является достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований кредиторов о признании сделки недействительной.

Следует отметить, что в некоторых случаях указанная модель реституции заключается в предоставлении возможности приобретателю имущества спасти сделку от оспаривания путем оплаты стоимости имущества до рыночной (например, если была заключена неравноценная сделка). В этой связи следует обратить внимание на п. 29.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», в котором указано, что «...при сохранении у кредитора предмета отступного, если он в ходе рассмотрения заявления перечислит в конкурсную массу денежные средства в размере обязательств, погашенных с предпочтением, суд отказывает в силу статьи 61.7 Закона о банкротстве в признании сделки недействительной и также восстанавливает задолженность должника в том же размере, которая удовлетворяется в порядке пунктов 2 или 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве»⁹. Безусловно, в указанном случае речь идет о ситуации, связанной с залогом, который кредитор получил в

⁷ См., например: Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства) : правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 23 ; Суворов Е. Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015) : акты и комментарии. М., 2016. С. 118.

⁸ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁹ О некоторых вопросах, связанных с применением гл. III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2010. № 3.

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. по делу № А56-38737/2018. URL: СудАкт.ру (sudact.ru) (дата обращения: 10.04.2024).

качестве гарантии удовлетворения своего требования. По нашему мнению, подобное решение следует не только оценивать положительно, но и приветствовать его применение по аналогии в иных случаях, ведь данный подход полностью отвечает одной из основных целей процедуры банкротства – увеличение конкурсной массы. Статистические данные наглядно демонстрируют, что процесс реализации с торгов имущества несостоятельного лица – процедура малоэффективная с точки зрения приобретения денежных средств. В большинстве случаев активы уходят по стоимости на 70 % ниже их рыночной¹⁰. Следовательно, непосредственное наполнение конкурсной массы деньгами отвечает с одной стороны интересам кредиторов, а с другой – интересам контрагента по договору, который сохраняет за собой право на имущество.

Верховный Суд РФ, вероятно, также оценил потенциал такого урегулирования проблемы: в его определении от 4 марта 2022 г. № 310-ЭС22-533 по делу № А08-10699/2017¹¹ признана возможность доплатить стоимость имущества до рыночной и таким образом спасти сделку от оспаривания. В уже упомянутом нами решении Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда, в котором возмещение ответчиком разницы в цене спасло сделку от оспаривания, суд в том числе обосновал причины такого решения: «Возврат имущества по спорной сделке в конкурсную массу приведет к необходимости многократного проведения торгов, что вызовет затягивание процедуры конкурсного производства и значительно увеличит расходы по процедуре банкротства из-за расходов на публикации объявлений о торгах. ... Следовательно, процедура проведения торгов требует значительного размера денежных средств, а также времени, что неизбежно приведет к усеченному удовлетворению требований кредиторов, нежели принятие единовременной выплаты, которая произведена не на основе абстрактной информации, а на основании экспертизы»¹².

¹⁰ «...67 % компаний ничего не платят кредиторам» // Право.Ру. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/> (дата обращения: 21.03.2024).

¹¹ Постановление от 5 сентября 2017 г. по делу № А70-3028/2017. URL: СудАкт.ру (sudact.ru).

¹² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2022 г. № 18АП-7481/22 по делу № А47-13583/2019. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

Конечно, в данном случае речь шла о добровольном возмещении части стоимости, но представляется, что и присуждение именно к доплате стоимости может быть в некоторых случаях вполне целесообразным решением: например, если вещь утрачена и не может быть возвращена в натуре. На сегодняшний день для таких случаев Законом о банкротстве предусмотрено применение правил ГК РФ о неосновательном обогащении – п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве отсылает к правилам о неосновательном обогащении, закрепленным в ст. 1105 ГК РФ: «В случае невозможности возратить в натуре неосновательно полученное или сбереженное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения». Данная норма, однако, вызывает некоторые вопросы. Первый из них касается возмещения убытков, связанных с изменением стоимости имущества. Имеются в виду убытки, вызванные виновными действиями приобретателя имущества или же речь идет об изменении рыночной стоимости имущества?

Из анализа судебной практики следует, что речь все же идет об изменении рыночной стоимости приобретенного имущества¹³ в сторону увеличения. Падение стоимости при этом значения не имеет. Такой подход представляется не вполне справедливым, особенно в случае, если приобретатель имущества был добросовестным. По какой причине он должен отвечать за увеличение рыночной стоимости, а конкурсные кредиторы претендовать на сумму большую, чем предусмотренную сделкой? Столь строгие последствия представляются оправданными только для недобросовестного контрагента.

Не вполне понятно, относится ли условие знания о неосновательности обогащения только к возмещению убытков или также к стоимости имущества на момент приобретения. Конструкция предложения и буквальное лексическое толкование позволяют сделать вывод о том, что применяться условие о знании может и

¹³ См., например: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 29 ноября 2012 г. № Ф04-1739/12; определение Высшего Арбитражного суда РФ от 8 октября 2012 г. № ВАС-10504/12. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

к убыткам, вызванным последующим изменением стоимости имущества, и к стоимости самого имущества. Возникает также вопрос о добросовестности приобретателя имущества. Ст. 1105 ГК РФ подразумевает, что убытки подлежат возмещению лишь в случае его недобросовестности: «...если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения», т. е. не поступил как добросовестный участник гражданского оборота. Ни судебная практика, ни теоретические исследования не дают однозначного ответа на вопрос, возмещаются ли убытки добросовестным приобретателем. Представляется соответствующим требованиям разумности и справедливости подход, при котором убытки должны возмещаться лишь при недобросовестности приобретателя. Соответственно, применительно к нормам Закона о банкротстве убытки по ст. 61.6 Закона и ст. 1105 ГК РФ можно взыскать лишь при оспаривании сделок по основаниям, предусматривающим недобросовестное поведение контрагента в качестве одного из условий оспаривания.

Последовательно рассматривая правила о неосновательном обогащении, переходим к ст. 1107 ГК РФ, в которой предусмотрена возможность взыскания с приобретателя имущества доходов от пользования этим имуществом с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения. В связи с применением нормы в процессе банкротства возникает вопрос, как определить этот момент. Практика применения данной нормы в общегражданских делах демонстрирует, что суды в спорах, связанных с оспариванием сделок, признают таким моментом либо день заключения сделки, либо дату вынесения судебного решения, если речь идет о квалификации спорного договора. По этой причине логично предположить, что при оспаривании сделки при банкротстве «момент, когда лицо узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения» должен определяться моментом, когда лицо узнало либо должно было узнать об основании оспаривания сделки. Следовательно, если сделка оспаривается по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, то взыскать доходы от пользования имуществом с контрагента по договору возможно с момента совершения сделки.

Наконец, вопрос, который возникает с точки зрения применения норм о неосновательном обогащении в рамках процедуры банкротства,

это возможность компенсации контрагентом своих вложений в возвращенный объект: может ли он потребовать их возмещения или контрагент априори признается недобросовестным, так как его недобросовестность – это условие успешного оспаривания? Ни нормы ГК РФ, ни положения Закона о банкротстве ответа на этот вопрос не дают. Логичным представляется обратиться к общим нормам ГК РФ, регулирующим подобную ситуацию, т. е. к ст. 303 ГК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение описанной модели реституции соответствует целям конкурсного оспаривания сделок и по этой причине, с учетом особенностей процедуры несостоятельности, должна быть применена. На сегодняшний день применение норм ГК РФ о неосновательном обогащении к оспариванию сделок при банкротстве несколько затруднено, однако представляется, что нужный вектор и условия их применения могут быть уточнены судебной практикой, а не внесением изменений в гражданское законодательство.

Библиографический список

- Егоров А. В.* Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2010. № 12.
- Карелина С. А.* Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства) : правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4.
- Костко В. С.* Правовые последствия запрета на распоряжение имуществом (п. 2 ст. 174.1 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2015. № 2.
- Суворов Е. Д.* Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015) : акты и комментарии. М. : Статут, 2016.
- Шишмарева Т. П.* Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2018. 239 с.
- «...67 % компаний ничего не платят кредиторам» // Право.Ру. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/> (дата обращения: 10.04.2024).

References

- Egorov A. V.* Restitution for invalid transactions in bankruptcy // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 12.
- Karelina S. A.* Suspicious transactions in the process of insolvency (bankruptcy) : legal issues of challenging // Business Law. 2012. No. 4.
- Kostko V. S.* Legal consequences of the ban on visiting premises (clause 2, article 174.1 of the Civil Code

of the Russian Federation) // Bulletin of Civil Law. 2015. No. 2.

Suvorov E. D. Bankruptcy in replacement of the new supreme Court of the Russian Federation for the first year of work (2014–2015) : acts and comments. Moscow : Statut, 2016.

Shishmareva T. P. Invalidity of transactions and actions in Insolvency proceedings in Russia and Germany. Moscow : Statut, 2018. 239 p.

«...67 % of companies pay nothing to creditors» // Pravo.Ru. URL: <https://pravo.ru/news/view/145113/>

Южный федеральный университет
Конева Д. К., аспирантка 3-го курса
E-mail: dariakoneva18@yandex.ru

South Federal University
Koneva D. K., 3rd year Post-Graduate Student
E-mail: dariakoneva18@yandex.ru

Дата поступления: 09.07.2024

Received: 09.07.2024

Для цитирования:

Конева Д. К. Применение правил о реституции при банкротстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100>

For citation:

Koneva D. K. Application of the rules on restitution in bankruptcy // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58). P. 95–100. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/95-100>